

УДК 94(47).072.3

КАК ССОРИЛИСЬ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ И АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

(К вопросу о личных отношениях в коллективе Артиллерийского комитета 1804–1812 гг.)

© К. Г. Игошин

*Государственный исторический музей
Россия, 109012 г. Москва, Красная площадь, 1.
Тел.: +7 (495) 698 19 05.
E-mail: igoshinkg@mail.ru*

Созданный в 1804 г. Артиллерийский комитет должен был способствовать насущно необходимому в годы противостояния с Наполеоном качественному обновлению российской артиллерии. Организация деятельности комитета напрямую зависела от личных взаимоотношений привлеченных для работы в нем экспертов. Соперничество и личный конфликт председателя комитета И. Г. Гогеля и лучшего российского артиллерийского специалиста А. И. Маркевича развивались по нарастающей, негативно влияли на ход работ и в итоге привели в 1810 г. к распаду коллектива. После этого для продолжения работы был сформирован новый состав Артиллерийского комитета.

Ключевые слова: *И. Г. Гогель; А. И. Маркевич; П. А. Рахманов; Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии; Ученый комитет по артиллерийской части.*

Созданному 24 февраля 1804 г. Временному артиллерийскому комитету для рассмотрения гарнизонной артиллерии, несмотря на название, суждено было стать первым постоянным научно-техническим органом сухопутного военного ведомства, отвечавшим за научно-исследовательское и экспертное направление деятельности. Этот Комитет, пережив ряд реформирований и переименований, явился основой для всех последующих образований такого рода как в Российской империи, так и в современной России. Его создание накануне противостояния с Наполеоном было решением, которое позволило значительно интенсифицировать усилия по реорганизации материальной части артиллерии в годы наиболее тяжелых испытаний.

Период становления этого органа пришелся на время реорганизации системы государственного управления в целом, когда происходил переход от коллективной системы управления коллегий к единоличному управлению министерств, а также на трудные годы наполеоновских войн. Поэтому поиск организационных форм шел методом проб и ошибок и не в последнюю очередь зависел от личных качеств вовлеченных в этот процесс чиновников и от их способности к слаженному взаимодействию.

Причиной создания комитета стал предложенный директором Олонцкого и Луганского заводов К. К. Гаскойном (С. Gascoigne) проект изменения пропорций чугунных орудий гарнизонной артиллерии. До этого момента для решения тех или иных технических или хозяйственных задач, стоящих перед артиллерийским управлением, создавались «временные комитеты», которые, отработав свой срок, распускались. Состав таких комитетов должен был включать в себя как соответствующих специалистов из Артиллерийской экспедиции и профильных производств, так и артиллерийских генералов и штаб-офицеров из действующих частей [1].

Новый временный комитет был создан по распоряжению министра военно-сухопутных сил С. К. Вязмитинова инспектором всей артиллерии генерал-лейтенантом графом А. А. Аракчеевым на тех же принципах и основаниях [1].

В его состав вошли: шеф 1-го Артиллерийского полка генерал-майор В. Ф. Берг (Берх), командир Лейб-гвардии артиллерийского батальона генерал-майор И. Ф. Касперский, подполковник 2-го Кадетского корпуса А. И. Маркевич, майор 6-го Артиллерийского полка барон В. К. Плотто, управляющий Чертежным архивом Артиллерийской экспедиции надворный советник А. А. Заворотков и той же экспедиции переводчик титулярный советник Астафьев. Комитет должен был подчиняться непосредственно самому Аракчееву [1]. Все члены Временного комитета не освобождались от прежних обязанностей.

Берг и Касперский довольно быстро покинули ряды членов Временного артиллерийского комитета. В обоих случаях причиной стала занятость по основной должности и участие в боевых действиях. Костяк комитета составили наиболее подготовленные с научной точки зрения специалисты – Маркевич, Плотто и Заворотков, к которым в конце 1806 г. присоединился директор Пажеского корпуса полковник 1-го Артиллерийского полка И. Г. Гогель 2-й. Не позднее июня 1808 г. в состав комитета вошел капитан Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части П. А. Рахманов (Рахманов).

Сразу же по формировании Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии сфера его деятельности была значительно расширена. Параллельно с изучением предложений Гаскойна, которым комитет занимался до ноября 1807 г., ему поручались исследовательские и экспертные работы в области усовершенствования орудий и лафетов, снарядов и заря-

дов, прицельных приспособлений, артиллерийской принадлежности, лабораторных инструментов и многое другое.

Такой широкий спектр дел объяснялся в первую очередь подбором членов комитета, среди которых оказались видные отечественные военные специалисты в области соответствующих разделов математики и физики. Маркевич и Плотто проявили себя на рубеже веков, принимая участие в модернизации полевой артиллерии, получившей позднее название «аракчеевской системы» или «системы 1805 года», были известны своими изобретениями и усовершенствованиями. Гогель, равно как и Маркевич, был военным педагогом и имел опыт перевода иностранных научных книг по артиллерии, военному делу и технологиям. Специалистом в области артиллерийских вооружений был Заворотков, заведовавший в Артиллерийской экспедиции чертежной, которая на рубеже веков являлась одним из органов, отвечавших за «инвенции» [1], а затем гарнизонным и экстраординарным отделениями. Наконец, Рохманов был выдающимся российским математиком, музыкантом, ученым-литератором и вообще личностью, энциклопедически развитой.

Впрочем, следует отметить, что все вышеперечисленные не были исследователями-первооткрывателями, а осваивали и адаптировали относительно передовой опыт зарубежных выдающихся ученых и артиллеристов середины – второй половины XVIII в.: Б. Ф. Белидора (B. F. de Belidor, 1693–1761), Б. Робинса (B. Robins, 1707–1751), Л. Эйлера (L. Euler, 1707–1783), А. Папачино д'Антони (A. Papacino d'Antoni, 1714–1786), Ж.-Б. де Грибоваля (J. B. de Gribeauval, 1715–1789), Ч. Гуттона (C. Hutton, 1737–1823), Б. Румфорда (B. von Rumford, 1753–1814) и др.

Внутренние отношения в комитете строились на коллегиальных принципах, при этом председателем, точнее «главноприсутствующим», являлся член комитета, имеющий старшинство в чине, согласно Табели о рангах. Первоначально таковым был генерал-майор Берг; после его выбытия в июле 1805 г. его место занял генерал-майор Касперский; в феврале 1807 г. главноприсутствующим стал полковник Гогель.

По результатам рассмотрения дела комитет должен был составить заключение, которое подписывалось всеми участниками. В случае если кто-то из членов был не согласен с общими выводами, он имел право присовокупить собственное «мнение». В любом случае судьей был Аракчеев, который внимательно рассматривал каждое заключение и зачастую принимал не только административное, но и экспертное участие в принятии окончательного решения.

Научные споры между специалистами комитета порой переходили в личные столкновения, иногда находившие свое отражение в официальной

переписке. Например, весной 1806 г. военный советник Заворотков, противившийся изменению конструкции бомб и гранат, в своем «мнении» не преминул заметить, что «стремление к новой бомбовой конструкции» может происходить «иногда от неограниченного человеческого любопытства, и других нравственных влияний» [2]. Этот выпад был направлен как в адрес разработчика барона Плотто, так и в адрес прочих коллег, одобвивших новацию.

Такие столкновения приходилось пресекать Аракчееву. В частности, летом 1806 г. он, ставя перед Временным комитетом очередную задачу, сделал красноречивое добавление: «Присем нужным нахожу предложить Комитету, что посылаемые от меня в оной бумаги ко мне не возвращаются, а из представлений Комитета усматриваю я что оной занимается единственно одним разногласием не приводя к концу предмета о котором бывает там разсуждение, и тем самым не выполняется цель для которой оной учрежден, ибо обязанность Комитета есть сия дабы все входящая во оной бумаги относящиеся до усовершенствования артиллерии рассматривать во всей подробности и потом с положенным уже заключительным мнением, полезно ли предполагаемое, или по чему либо уважено быть не может, без разногласия представлять к своему начальству» [3,1]. К сожалению, это внушение не возымело окончательного действия.

Наиболее напряженными были отношения между Маркевичем и Гогелем. Сейчас сложно с точностью установить причину личной неприязни, которая, несомненно, имела место. Возможно дело в том, что Андрей Иванович Маркевич обладал более широким научным кругозором и более глубокими познаниями в науке, нежели имевший преимущества в чине и должности Иван Григорьевич Гогель. Маркевич был изобретатель и исследователь, а Гогель систематизатор и популяризатор, при этом оба амбициозны и ревнивы к научной славе. Глухие признаки научных споров нашли свое отражение в их научных трудах [4]. Более красноречивые следы личного противостояния отложились в деловой переписке.

Самым ранним из известных столкновений между ними является случай, произошедший в январе 1807 г. Комитет одобрил предложенный Маркевичем выдвижной диоптр без участия в обсуждении Гогеля, который резко отреагировал на это: «По какому праву мог Комитет сделать о сем предмете решительное заключение вовсе без ведома моего, когда я, сверх личного участия в том деле, еще и сам член Комитета? Я не намерен добиваться разбирательства сего и оставляя личную обиду сим странного рода неуважением мне нанесенную, долгом поставлю подать сей мой голос, дабы молчание мое не было сочтено за согласие на введение в употребление предлагаемого г. Маркевичем диоптра» [1].

22 февраля 1807 г. Гогель стал главноприсутствующим во Временном комитете и получил воз-

возможность использовать в своем противостоянии с Маркевичем административные рычаги. 4 июня 1808 г. Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии был переименован в Ученый комитет по артиллерийской части [5]. К концу года Аракчеевым для него было составлено Учреждение [6], в котором фиксировались уже сложившиеся принципы работы членов, но существенно усиливалась роль «главноприсутствующего», который теперь становился Председателем, наделенным широкими полномочиями: «Без подписи же Председателя никакая бумага из Комитета выходить не должна, и никто, кроме его, от имени Комитета сношений делать не может; равномерно и присылаемая в Комитет дела никто кроме его распечатывать не может, ибо он, яко начальник, отвечая за все, в Комитете происходящее, должен управлять и течением и производством всех дел» [7].

Усилия Гогеля в противостоянии с Маркевичем сводились к тому, чтобы путем коллективного критического вмешательства в его труды не допустить его самостоятельного научного творчества. Дело облегчалось тем, что Андрей Иванович был человеком порывистым и резким, не терпел критики, и хитрому и осторожному Ивану Григорьевичу периодически удавалось сталкивать его с другими коллегами по комитету.

Запальчивую неуступчивость Маркевича можно увидеть на следующем примере. Летом 1808 г. Андрей Иванович предложил для публикации в только что начавшем издаваться по распоряжению Аракчеева «Артиллерийском журнале» статью «О действии артиллерийскими орудиями в поле против неприятеля» [8], в которой подробно рассматривался вопрос эффективности различных боеприпасов на разных дистанциях. Автор представил объективные результаты испытаний, проводившихся в период 1803–1808 гг., и свою интерпретацию их, в частности, не имеющее обоснований предположительное число жертв от выстрелов ядрами и гранатами. Результатом обсуждения стала резолюция: «По причине примерного предположения в сем сочинении числа людей, сколько ядро убить может, которое Комитет находит с лишком смелым (а автор ничего переменить не соглашается), определили: не помещая онаго в Журнал приобщить к делам» [9].

Примерно также удалось саботировать издание книги Маркевича «Руководство к артиллерийскому искусству», первая редакция которой была представлена в комитет на обсуждение уже летом 1809 г. [10]. Болезненно относящийся к редакции автор даже обратился за поддержкой к Аракчееву, который предписал комитету книгу Маркевича «не переправлять, но делать особо свои дополнения и примечания; которые должны так же напечатаны быть» [11].

В результате за весь период работы Маркевича в Артиллерийском комитете в «Артиллерийском

журнале» была напечатана только одна его статья [12], а замечательное фундаментальное произведение «Руководство к артиллерийскому искусству», являющееся в настоящее время одним из ценнейших исторических источников по истории артиллерии, было напечатано, уже помимо комитета, только в 1820–1824 гг. [13].

О том, до какой степени накала доходили порой страсти, можно судить по скандалу, разразившемуся в мае-июне 1809 г. Полковник Маркевич подготовил записку с предложениями произвести исследования действия пороха в каморе единорога, полагая, что принятая в российской артиллерии форма не является наилучшей. Однако в «определении» Ученого комитета его предложение было отвергнуто, и в противовес ему было выдвинуто утопическое предложение капитана Рохманова разработать и испытать новое каморное орудие, которое в случае успеха могло бы заменить прочие типы орудий. При этом Рохманов признавал, что принципиальная идея заимствована им у коллег, в том числе и у Маркевича: «Вот мое мнение о российской артиллерии. Частью я его сформировал, слушая о сем предмете суждения почтенных моих сочленов» [14].

Маркевич, оскорбленный тем, что его предложениям не хотят дать ход под надуманным предлогом, обращаясь к комитету, но адресуя свою филиппику истинному виновнику и давая знать, что он разгадал интригу, написал: «Поелику главное намерение помянутого определения состоит только в том, чтобы лишить меня чести изобретений, предъявленных мною в моем к Его Сиятельству представлении мнений, то я охотно и уступаю оную честь Комитету; имея впрочем весьма верный доказательства, что сии мнения не взяты мною от суждений Комитета, но Комитет взял их от меня. И если я и впредь буду иметь какия либо полезныя мысли, то непременно сообщу их Комитету, дабы только оно зделало из них должное для службы Его Императорскаго величества употребление. Между тем замечу, что Комитет говорит, будто бы еще прошлаго года намеревалось он делать по сему предмету опыты. Пусть же покажет Комитет в своих журналах, в определенных или в каких других комитетских бумагах, хоть малейшие следы тому, что он имел таковое намерение, или суждение; кроме только весьма коротких о сем разговоров, кои я в нем породил, объявляя, что я намерен подать Его Сиятельству господину Генералу Инспектору всей артиллерии мои об оных предметах мнения. Каковыя разговоры и подали повод Г. Капитану Рохманову вывести оныя мнения в свою бумагу, в означенном определении упоминаемую» [15].

Ответ на эту гневную тираду был не в пользу Андрея Ивановича: «За непозволительности же и не справедливыя, из пределов благопристойности выходящая, выражения Г-на Полковника Маркевича против всего сословия товарищей его, сделано ему

от Комитета замечание особым определением Июня 12-го дня учиненным» [16].

В отчаянии Маркевич подал свою записку графу Аракчееву. Но так как она не была утверждена комитетом, и одновременно с этим из него поступила записка Рохманова, Аракчеев увидел, что вновь становится арбитром во внутренней склоке. Будучи Военным министром, он уже не был непосредственным начальником комитета, и так как обе записки нарушали порядок делопроизводства, его реакция была резкой: «Не имею никакой надобности в мнениях Г.г. полковника Маркевича и капитана Рахманова, я возвращаю оные при сем, напоминая Комитету, что его долг представлять мнения свои с общаго суждения и согласия, как единственный предмет для коего и существует Комитет, и не обременять меня разбирательством споров своих; отчего и предписываю ему впредь воздержаться» [17]. Таким образом, Андрей Иванович остался один на один с неблагоприятным ему начальником. Вопрос об его увольнении стал вопросом времени.

Во второй половине 1809 г. Ученый комитет начинает переживать трудные времена. По словам Гогеля: «Комитет был в совершенной разстройке за выбытием из оного отставкою и смертью всех членов кроме одного и Главноприсудствующаго, которой также долгое время был тяжело болен и в Комитет ходить не мог. Не прежде как в Майе 1810 года составился оный Комитет опять из двух членов и председателя» [18].

Ставший невольно одним из ключевых участников скандала капитан Рохманов предпочел заниматься самостоятельной издательской деятельностью. В начале 1810 г. он вышел в отставку и покинул комитет для того, чтобы начать издавать «Военный журнал». 25 января 1810 г. скончался барон Плотто [19]. Примерно в это время комитет покинули Заворотков и Маркевич.

Инициатором увольнения стал сам полковник Маркевич, который обратился с прошением освободить его от исполнения обязанностей в Ученом комитете по артиллерийской части на том основании, что, «занимаясь сверх того проверкою орудий в здешнем арсенале, и исполнением других поручений по части артиллерийской на него возлагаемых, не может успевать присутствовать в комитете» [20]. В середине февраля 1810 г. эта просьба была Высочайше удовлетворена и повелено: «оного Маркевича оставить при Арсенале, с произведением ему положеннаго по чину жалованья от Артиллерийскаго департамента; а в место его избрать членом в ученый комитет другого чиновника» [20].

В настоящее время неизвестно, были ли между Маркевичем и Гогелем открытые конфликты накануне увольнения, но само увольнение обернулось скандалом. Скрытный и мстительный Иван Григорьевич отправил от имени Ученого комитета во 2-й Кадетский корпус, где продолжал служить

Андрей Иванович, отношение следующего содержания:

«2-го кадетского корпуса полковник Маркевич в бытность его членом оного Комитета, по неспокойному нраву его неоднократно от главноприсудствующаго увещиваем был к исправлению; но как ни увещивания сии, ни замечание от полного собрания комитета, по сему пороку, ему сделанное и в журнал записанное, ниже строжайшие выговоры от г-на Военнаго министра не могли его исправить, то наконец главноприсудствующий вынужденным нашелся представить г-ну Военному министру о помянутом полковнике Маркевиче как о недостойном быть членом комитета. – Ныне же Государственная коллегия указом комитету дала знать, что Государь Император Высочайше указать соизволил вместо его полковника Маркевича избрать в члены комитета другого чиновника; о чем комитет 2-й кадетский корпус извещает, дабы помянутого полковника Маркевича не почитать более членом комитета сего» [21].

Однако на этот раз Маркевич смог найти покровителей, которые помогли ему защитить честное имя. Менее чем через месяц Военный министр М. Б. Барклай де Толли предписывает непосредственному начальнику Гогеля по службе в Ученом комитете инспектору всей артиллерии генерал-лейтенанту барону П. И. Меллеру-Закомельскому «сделать немедленно Г. Генерал Майору Гогелю строгий выговор с предписанием, чтобы он не осмеливался никогда впредь делать оскорбление таким особам, которые по заслугам своим обратили на себя внимание начальства, и что поступок сей, как недостойное занятие, не соответствует ни чину его, ни той цели, для которой ученый Комитет составлен. – В заключение прошу вашего Превосходительства войти в сношение со 2-м Кадетским корпусом, чтобы означенный отзыв Г. Гогеля был вам возвращен для уничтожения его из Журналов Комитета» [22].

Дальнейшая судьба обоих соперников сложилась благополучно. Оба достигли высоких чинов и признания. Но Ученый комитет, «составившийся» в мае 1810 г., был новым по своему составу. В нем теперь, помимо генерала Гогеля, состояли Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части полковник И. И. Фицтум и издатель и управляющий типографией комитета коллежский асессор К. К. Гебгард (Гебгардт). Этот коллектив жил и работал по другим правилам, строго придерживаясь принципов иерархии и чиновочитания. Новый состав просуществовал до упразднения в 1812 г. Ученого комитета по артиллерийской части и стал основой пришедшему ему на смену Военно-ученому комитету.

Обновленный Ученый комитет уступал прежнему не только по количеству членов, но и по уровню их научной подготовки и исследовательских амбиций. Без непосредственного контроля и

управления со стороны графа Аракчеева он постепенно стал частью бюрократического аппарата, интенсивность работы которого со временем сокращалась. Впрочем, работа по унификации отечественной артиллерии – главное достижение комитета – продолжалась. К началу 1812 г. основная задача – подготовка отечественной артиллерии к решительному противостоянию с Наполеоном – была в целом выполнена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Струков Д. П. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. СПб., 1902. Ч. 1. Кн. 1. С. 404–407.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., далее: АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 15. Д. 90. Л. 12 об.
3. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 4. Л. 1, 1 об.
4. Игошин К. Г. Эволюция конструкции стволов российской полевой артиллерии в период 1805–1812 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Мат-лы Второй Международной научно-практической конференции. СПб., 2011. Ч. 1. С. 311.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Далее: ПСЗ-1. Т. 30. №23063.
6. ПСЗ-1. Т. 30. №23399.
7. ПСЗ-1. Т. 30. №23399. Пункт. 16.
8. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 21.
9. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 21. Л. 3 об.
10. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 31. Л. 1.
11. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 2.
12. Маркевич А. И. Об артиллерийской шкале или об артиллерийском размере в России употребляемом // Артиллерийский журнал. СПб., 1808. №1.
13. Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей великих князей. СПб., 1820–1824.
14. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 11 об.
15. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 12.
16. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 13.
17. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 28. Л. 2.
18. АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 50. Л. 31.
19. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5616. Л. 452.
20. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5616. Л. 82.
21. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5616. Л. 3.
22. АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5616. Л. 18 об.

Поступила в редакцию 26.03.2013 г.